

На карте – будущее не только России.

Большой неожиданностью для противников экономических реформ явился положительный ответ на второй вопрос апрельского референдума. Этот вопрос был предложен парламентской фракцией – «Смена – новая политика», состоящей в основном из бывших комсомольских активистов и посвятившей себя подрыву процесса реформ в нашей стране. Вопрос специально сформулировали таким образом, чтобы президенту было практически невозможно одержать победу.

Не скрою, результат оказался неожиданностью даже и для меня. Ведь сограждан спрашивали: "Одобряете ли Вы экономическую политику президента и правительства России?"

Практически это звучало примерно так: "Одобряете ли вы политику, которая привела к уничтожению значительной части ваших денежных накоплений? Поддерживаете ли вы политику, которая привела к инфляции и повышению цен? Одобряете ли вы политику, которая приводит к безработице?..."

Мы были уникальной страной...

Все были абсолютно уверены, что типичным стал бы отрицательный... Но большинство ответило: "Да" Почему? Неужели это тоже объясняется загадочной русской душой, которая любит страдания? Возможно. Но прежде всего, это явилось результатом реальных изменений в жизни российских граждан. О реформе пишут много. Об инфляции, о коррупции, о нестабильности и т. п. Но вы никогда не прочтете, скажем, о реальных изменениях в повседневном быте жителей маленького городка, находящегося в 500 км от Москвы.

Я рассказывал американским слушателям о том, как выглядел этот быт три года назад. Наши читатели это знают, но напомнить все же полезно. Купить что-либо в магазине было абсолютно невозможно. Дефицит был не только частью, но и самой сутью российской жизни. Людям приходилось совершать поездки раз в неделю или две в Москву или Петербург и пытаться купить что-либо, чтобы накормить свою семью. Часами стояли в очередях, чтобы купить два килограмма ужасной по качеству колбасы или полкило масла. Люди ездили в Москву по очереди, организовывались якобы автобусные экскурсии или

якобы культпоходы в столичные театры (часто за счет предприятия, профсоюза) и т. д.

Подобный образ жизни казался настолько привычным, что никто даже не задумывался об его абсурдности. Мы были единственной страной в мире, граждане которой готовы были ради 3 кг мяса пролететь в самолете чуть ли не 100 км!

И вас считали очень важной персоной, если у вас были какие-либо связи в магазине, фактически выполнявшем функции отнюдь не магазина, а государственной конторы по распределению дефицитных товаров. На работе в основном обсуждалась жгучая тема: где что можно достать?

Теперь это все исчезло. Сейчас вовсе не обязательно ездить в Москву или Петербург за продуктами, нет нужды давать взятки работникам магазина. Можно просто пойти в магазин и купить то, что нужно. Даже в маленьком городке есть, такие продукты, как мясо и колбаса или даже бананы, два-три года назад доступные лишь номенклатуре самого высокого уровня.

Статистики с начала 1992 года стали публиковать индекс насыщенности рынка товаров. Он упорно растет из месяца в месяц.

Предпринимательский дух населения еще жив

Вторым фактором явилось ощущение безграничности новых возможностей. Россияне оказались вовлеченными в новые способы экономической жизни. После семи десятков лет коммунистического строя предпринимательский дух населения оказался намного выше, чем кто-либо, включая и меня самого, мог ожидать. В начале 1992 года был издан президентский указ, положивший конец государственной монополии на торговлю и сделавший законной свободную торговлю. Нам казалось что пройдет по крайней мере 2–3 недели, прежде чем мы увидим результаты данного указа. На самом же деле, на следующее утро, когда я направлялся на работу на Старую площадь, я заметил огромную толпу людей на Лубянке и решил, что это была очередь за какими-нибудь товарами в "Детский мир". Но все эти люди, держа в руках копии президентского указа о свободе торговли, что-то продавали: обувь, велосипеды, масло... Это выглядело дико, нецивилизованно, но это было начало процесса формирования свободного рынка.

В настоящее время значительная часть населения России участвует в процессе реформ. Поэтому-то, когда был задан вопрос, суть которого заключалась не в том, хотите ли вы иметь более высокую зарплату, низкие налоги и уверенность, что не потеряете свою работу, и в том, хотите ли вы вернуться к ситуации, существовавшей два-три года назад, население оказалось достаточно разумным, чтобы такую перспективу решительно отвергнуть.

Что означают результаты референдума для будущего экономической политики Россия? Прежде всего, они создали условия для продолжения приватизационного

процесса. Если в конце апреля казалось, что программа приватизации не продержится нескольких недель, то сейчас почти очевидно, что она будет продолжена. Ускорение как малой, так и крупной приватизации неизбежно. Теперь государство продает на свободном рынке каждый месяц акции приблизительно 500 российских средних и крупных предприятий. Всего их будет 17000. Уже приватизировано приблизительно 70000 малых предприятий. В целом сейчас более или менее понятно, что этот процесс нельзя повернуть вспять. К концу 1993 года частный сектор будет доминировать или занимать солидную долю в сфере розничной торговли, в сфере сервисного обслуживания, а также в производстве строительных материалов, легкой индустрии, пищевой промышленности, машиностроении. Начинается приватизационный процесс в нефтяной, газовой и угольной промышленности, а также на транспорте. В целом я надеюсь, что к концу года более 50% общей валовой продукции в России будет произведено частным сектором.

Конечно, российские частные предприятия – молодые и нестабильные. Сделан только первый шаг в запуске и отладке функционирования механизма частной собственности. Тем не менее сейчас уже невозможно прийти к руководителю завода или владельцу магазина и сказать ему, что все это было шуткой и что он опять должен подчиняться мудрому руководству местного партийного комитета и согласовывать каждый шаг с вышестоящим чиновником из отраслевого министерства. Что он ответит, я думаю, понятно.

Главное – финансовая стабилизация

Повлиял ли референдум на перспективы финансовой стабилизации? Конечно, надо учитывать политическую ситуацию. В такое время крайне трудно принимать непопулярные меры и решения. Например, цены на уголь были отпущены только недавно, хотя на самом деле это надо было сделать, по крайней мере, на три месяца раньше. Правительству приходится увеличивать затраты на социальные нужды – такие как пенсии, дотации военнослужащим и т. д. За все это мы расплачиваемся ростом инфляции. Однако после референдума стало возможным усилить контроль над денежной и бюджетной политикой. Появилась, в частности, возможность направить Центральный банк по пути увеличения процентных ставок, что нам не удавалось в период между маем 1992 года и апрелем 1993-го. Процентные ставки были увеличены со 100% до 110%, затем – 120%, сейчас они достигли 170%, то есть почти до уровня инфляции. К сожалению, это делается медленно. Мы бы, конечно, предпочли более радикальное решение. Но, по крайней мере, стало ясно, что Центральный банк начинает сотрудничать с правительством.

В течение долгого времени правительство пыталось остановить выдачу кредитов странам СНГ. Было совершенно ясно, что большинство этих денег в конечном счете оседало

на московском валютном рынке. После референдума стало наконец-то возможным остановить выдачу подобных кредитов и превратить их в обычные экспортные кредиты с эффективным механизмом контроля. Это способствовало уменьшению ежемесячного процента денежной эмиссии. Таким образом, у нас появился шанс замедлить инфляцию хотя бы до 15% в месяц. Это все еще высокий уровень, но по крайней мере, мы видим, что движение идет в правильном направлении.

Конечно, абсолютно ясно, что почти невозможно стабилизировать экономику в стране, где парламентское большинство делает все для подрыва реформаторских усилий, для разрушения бюджетной и денежной политики правительства. Следовательно, самой насущной проблемой на сегодняшний день остается даже не экономическая реформа, а скорее – политическая. Совершенно необходимо провести новые парламентские выборы и обеспечить создание широкой, ориентированной на рынок коалиции в следующем составе парламента. Я лучше не буду вдаваться в политические, подробности данной задачи, могу только сказать, что результаты референдума показывают: это не является нереальным.

Российским демократическим силам, однако, придется доказать свою способность объединяться не только в период экстремальных кризисов, когда они знают, что их расстреляют на следующий же день после их поражения. Необходимо создать целую политическую систему, которая обеспечит неуклонное продвижение России к цивилизованному обществу.

Рабочая программа и долгосрочные приоритеты

Именно с этой точки зрения следует оценивать Рабочую программу "Развитие реформ и стабилизация российской экономики", предложенную правительством. На мой взгляд, она в целом соответствует потребностям современно-российской экономики. Она верно ориентируется на такие приоритеты, как достижение финансовой стабилизации, рост частных сбережений и частных капиталовложений, включает ряд положений, направленных на улучшение экономической ситуации в стране. Я бы сказал, что она идейно продолжает известную Программу углубления экономических реформ, подготовленную прежним правительством в 1992 году.

Но, как нередко бывает в жизни, и сегодня далеко не все зависит от программы, как бы хорошо она ни была составлена. Сейчас мы оказались в такой точке экономического развития, которая характеризуется двумя противоположными тенденциями.

С одной стороны, начинают сказываться последствия ограничительной политики, которая (с некоторым интервалом в декабре–январе) проводилась примерно с сентября прошлого года. Наметилась стабилизация обменного курса рубля, причем объективно ее возможность удержаться в этой ситуации, добиться перелома в направлении потока

денежных ресурсов: сделать выгодным хранение денег не в СКВ, как принято у нас, а в рублевой форме. Это означает, впервые за долгое время, возникновение обратного потока капиталов из долларов в рубли.

Речь пока идет не о притоке частных капиталов из-за рубежа – на это уйдет еще несколько лет, но о перемещении активов предприятий, на счетах которых уже лежат 12 млрд. долларов. Уже сейчас они теряют 14% в месяц на том, что хранят деньги в долларах, а не в рублях. И так будет, пока сохранится существующая процентная ставка и существующий темп инфляции.

Переключение активов с долларов на рубли могло бы существенно изменить ситуацию на рынке.

Конечно, все же базовый фактор – это не инвалютный курс сам по себе и не валютная политика, не валютные интервенции и т.д., а внутренняя финансовая, денежная политика, темпы экспансии валютной массы.

С другой стороны, повышение устойчивости курса и создание предпосылок вполне возможной, на мой взгляд, стабилизации сочетается с очень опасными тенденциями в бюджетной и денежной области, которые стали обозначаться последнее время. Резко увеличились темпы сезонного кредитования, выходящие за рамки наметок правительства и ЦБ. Частично это связано с высоким урожаем 1993 года, с тем, что весной не были решены проблемы его кредитования и нормальных закупок. Это связано также с политическим давлением, и чрезмерными уступками правительства – с огромными обещаниями, которые были розданы на разных этапах региона и отраслям национальной экономики.

В результате снова начал увеличиваться темп роста кредитной массы, которая уже вышла за рамки возможного, и снова стали нарастать бюджетные трудности. Конечно, тут огромную роль сыграл Верховный Совет, утвердивший беспрецедентно дефицитный федеральный бюджет.

Если эти разнонаправленные тенденции не учесть разумным образом в осмысленной финансовой и общеэкономической политике, то мы рискуем встретиться с резким ускорением темпов роста денежной массы в августе–октябре. Это неизбежно сведет на нет усилия стабилизационной политики.

Короче говоря, сейчас мы вновь приблизились к точке июля–августа прошлого года. Хотя прямая аналогия, какую проводят некоторые авторы, была бы неправомерной. Сейчас условия более благоприятны: многие предприятия так или иначе уже адаптировались к рынку, так или иначе урегулировались многие проблемы, связанные с экономическим взаимодействием республик, немаловажный фактор – отличный урожай этого года.

Если сорваться и к осени снова получить разгон инфляции, это по крайней мере на год отодвинет шансы на финансовую стабилизацию, а значит, на два года шансы на реальное

улучшение экономической ситуации.

Сегодня от того, какие решения сумеют принять правительство и Центральный банк – окажутся ли они способными овладеть ситуацией, привести свои решения в соответствие с тем, что экономически возможно, отказаться от лобовых приемов, воспроизводящих традиционные стереотипы (например, в закупочной политике) – от всего этого, на мой взгляд, сегодня зависит во много раз больше, чем от самой прекрасной программы.

Могут спросить: что следует делать правительству, чтобы страна избежала опасности срыва в гиперинфляцию?

Значительная часть вопросов находится в компетенции Верховного Совета, и правительство их не контролирует. Но многое в его руках. Я постарался бы сконцентрировать внимание на нескольких практических областях. Первая из них – закупочная политика. Стремление правительства скупить чуть ли не весь урожай верна – явный рецидив из другой экономической системы. Из другой экономики. Сейчас есть все возможности для того, чтобы отменить обязательные закупки, уникальный случай организовать нормальный рынок сельхозпродукции. Государство должно закупить только то, что действительно нужно для федеральных нужд: для госрезервов, для армии, крупных городов. Надо ограничить размеры федеральных обязательных закупок лишь теми средствами, которые учтены в федеральном бюджете. И пусть крестьяне продают все, что у них имеется в излишке, на свободном рынке. При этом возможно будет отказаться от импорта зерна. Мировое сообщество нас поймет. Останется небольшая потребность в сое и кукурузе для кормов, но значительная часть этой потребности покрывается Индией в счет уплаты ее долгов. С Китаем можно договариваться о бартере, обмене кормов на оружие.

Мы имеем возможность – первый раз с 1926 года – получить нормальный зерновой рынок, где цены определяются спросом и предложением. В случае необходимости и государство сможет выходить на него, покупать то же зерно по рыночным ценам... Если же вместо этого продолжим лобовую линию, закупим все, что можем, заставив крестьян продавать по заданным ценам, и за счет напечатанных рублей расплатимся с ними, то безусловно ввергнем страну в пучину гиперинфляции – со всеми вытекающими из этого последствиями.

Это только один пример. Есть возможности маневра и во внешнеэкономической деятельности, и во многих других областях. Так что положение не безвыходное, проблемы имеют решение. Но ситуация требует реальных и последовательных действий.

Побороть инфляцию можно, но, конечно, лишь при условии проведения в жизнь традиционных макроэкономических мер, прежде всего таких, как регулирование процентных ставок и денежной эмиссии.

Второй важнейшей задачей является проведение радикальной правовой реформы,

особенно создание юридической базы для развития частной собственности. Мне бывает очень неприятно признаваться зарубежным слушателям, что до сих пор мы были не в состоянии исключить из нашего Уголовного кодекса положение, согласно которому любой российский гражданин, вовлеченный в рыночную деятельность, вполне может быть подвергнут уголовному преследованию. Здесь я имею в виду понятие спекуляции, определенное Уголовным кодексом как приобретение товаров с целью их перепродажи. Конечно, этот закон сейчас не применяется, но он не отменен, он существует! И это отнюдь не способствует спокойствию российских предпринимателей. России срочно необходимо принять новый Уголовный кодекс, новое земельное законодательство и другие основные юридические положения, способствующие созданию здоровой правовой ситуации для развития экономики России.

Третьей принципиальной задачей является радикальное уменьшение роли правительства в управлении российской экономикой. Даже сейчас, после существенного сокращения затрат в военной области, у нас все еще сохраняются огромные правительственные затраты. Мы расходует неимоверно много государственных средств на строительство жилья, на закупку зерна и другие субсидируемые правительством отрасли. Все это может взять на себя частный капитал, способный действовать более эффективно. Правительство все еще несет на себе бремя сооружения новых и содержания существующих предприятий. Да и расходы в военной области остаются все еще значительными.

Предстоит многое сделать в области сокращения правительственного аппарата и повышения эффективности его работы. Совершенно очевидно, что реформы в России не могут почти целиком опираться на правительственные капиталовложения, как это было в XVIII веке во время проведения реформ Петром I, или в XX веке в период индустриальных реформ Витте, или позднее, при сталинской индустриализации. В наше время правительство просто не в состоянии позволить себе проведение индустриализации подобного типа. Реальные изменения в российской экономике могут быть основаны только на частных капиталовложениях.

Поэтому выбор, стоящий перед нами, очень прост. Или мы сможем создать такую юридическую, экономическую и финансовую базу, при которой частные капиталовложения приведут к созданию молодой и динамичной экономики, или у нас будет долгий период застоя с очень низким уровнем капиталовложений (частично получаемых с Запада), увеличением безработицы, социального давления и опасностью так называемого Веймарского синдрома. Иными словами – опасностью прихода на волне экономического хаоса новой фашистской диктатуры (или коммунистической, что в определенном смысле то же самое).

Это серьезный выбор, от него зависит будущее не только России, но и всего мира.

***В статье использованы материалы лекции,
прочитанной автором в американском фонде "Наследие" (Heritage Foundation)***